

• ПО ПОВОДУ НѢКОТОРЫХЪ СТАТЕЙ ВЫЗВАННЫХЪ ПОСЛѢДНИМИ ДВУМА КАМПАНИЯМИ (*)

Всякій крупный военный фактъ поражаетъ цѣлую литературу въ наше время, и, какъ обыкновенно бываетъ, послѣднія усовершенствованія у большей части писателей до такой степени привлекаютъ къ себѣ вниманіе, что остальные стороны дѣла не только отступаютъ у нихъ на второй планъ, но часто и совершенно упускаются изъ виду. Все въ этомъ случаѣ, разумѣется, зависитъ отъ личныхъ свойствъ авторовъ; есть между ними такіе, которые умѣютъ разложить наблюдаемый фактъ на его составныя части, и знаютъ, что стоитъ упустить хоть одну изъ нихъ и выводъ будетъ нелѣпъ; они постоянно держатся на сторожѣ противъ этой ошибки, въ которую власть чрезвычайно легко, и даютъ правильное заключеніе о фактѣ. Но есть и такіе, которые останавливаются только на нѣкоторыхъ сторонахъ факта, почему-либо сильнѣе бросившихся имъ въ глаза; спасительною осторожностью первыхъ не только не вооружаются, но даже необходимости оной не подозрѣваютъ: эти даютъ выводы тѣмъ болѣе осязательные и доступные пониманію большинства, чѣмъ они одностороннѣе и дальше отъ истины.

(*) Послѣднія войны намѣтили множество вопросовъ, представляющихъ громадное значеніе для военнаго дѣла. Въ убѣжденіи, что только многостороннее обсужденіе можетъ вести къ наиболее вѣрной оцѣнкѣ такихъ вопросовъ и къ наиболее рациональному ихъ рѣшенію, мы охотно открывали страницы «Военнаго Сборника», не только для статей фактическаго характера, но и для теоретическихъ изслѣдованій, пытавшихся выяснитъ факты послѣднихъ войнъ и дать на основаніи ихъ болѣе опредѣленные выводы. Событія такъ близки къ намъ, результаты ихъ такъ громадны, односторонность возрѣнія при этихъ условіяхъ такъ возможна, что путь къ истинѣ, по нашему мнѣнію, можетъ быть указанъ только вслѣдствіе столкновенія самыхъ противоположныхъ мнѣній.

Дальнѣйшее обсужденіе затронутыхъ вопросовъ будетъ принимаемо на страницахъ «Военнаго Сборника» съ прежнею готовностію. Ред.

Первая категория авторовъ считается единицами; вторая по меньшей мѣрѣ сотнями, хотя нельзя ихъ строго разграничить.

На раздумье обо всемъ этомъ мы невольно были наведены чтеніемъ нѣкоторыхъ сочиненій, появившихся какъ за границею, такъ и у насъ, и изслѣдующихъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, кампаніи 66-го и 70-го годовъ. И чего тутъ нѣтъ? И провозглашеніе того, будто отнынѣ нечего и думать объ атакѣ, если въ не втрое сильнѣе противника, и что штыкъ больше ничего не значитъ, и что атака съ фронта болѣе немыслима, а все съ обходомъ и т. д.

Одного не приходило въ голову сочинителямъ: какъ опредѣлить силы непріятеля—вдвое ли, въ полтора раза, или втрое мы его сильнѣе на томъ пунктѣ, который собираемся атаковать? Развѣ посылать къ нему передъ атакою считать, что у него стоитъ на томъ пунктѣ? Относительно штыка большая часть авторовъ какъ то мнутя; начинается обыкновенно съ того, что они не отвергаютъ возможности случаевъ его употребленія, а утверждаютъ только, что эти случаи будутъ очень рѣдки: затѣмъ рѣчь становится все рѣшительнѣе, застѣчивость исчезаетъ, и если разсужденіе не заканчивается предложеніемъ сдать штыки въ арсеналы, какъ излишнюю и даже вредную для стрѣльбы тяжесть, то развѣ потому только, что «нельзя же сразу покончить съ укоренившимися предразсудками».

Въ спокойное время это бы еще куда ни шло; но бѣда въ томъ, что міровая трагедія, первый актъ которой разыгранъ въ 66-мъ, второй въ 70-мъ году, еще не окончена; и по всему видно, что-то талантивые авторы и актеры этого замѣчательнаго произведенія вовсе не намѣрены оставлять его безъ развязки, къ участию въ которой можно получить неожиданное приглашеніе не только по волѣ, но и по неволѣ. Въ виду этого, далеко не безразличны взгляды, которые стремятся проводить современные военные писатели. Съ своей стороны, попытаемся опредѣлить, что въ этихъ взглядахъ вѣрнаго и что, на нашъ глазъ по крайней мѣрѣ, одностороннаго, и отъ пропуска какихъ данныхъ односторонность произошла.

I.

Начнемъ со статьи г. Байкова «Вліянія сраженія подъ Кениггрецомъ на тактику» (*).

Статью эту, по всей справедливости, можно озаглавить статью

(*) «Военный Сборникъ» 1872 г. № 6.

обманутыхъ ожиданій: до такой степени много новаго усиливается сказать въ ней авторъ и до такой степени мало сказалъ.

Такъ, замѣтивъ, что для стратегіи кениггрецкое сраженіе не дало ничего новаго, авторъ объявляетъ:

«Совершенно иное значеніе (вліяніе?) имѣетъ кениггрецкое сраженіе на тактику: тутъ Кениггрець составляетъ эпоху».

Послѣ этой фразы естественно ожидать доказательства: почему Кениггрець составляетъ эпоху въ тактикѣ? Но этого вы не находите; а узнаете изъ статьи, что Кениггрецомъ доказано: громадное значеніе *мирной подготовки войскъ*; того, что, *желая мира, готовясь къ войнѣ*, необходимость *индивидуальнаго развитія, народнаго образованія, общеобязательной воинской повинности*, развитія въ руководителяхъ *личной инициативы*, ограниченной, однакожь, на столько, чтобы *стремленія отдельныхъ личностей, не разстроивали гармоніи цѣлаго*. Все это такъ: но причемъ же тутъ тактика, о вліяніи на которую Кениггреца авторъ собирался говорить? Вѣдь онъ не относитъ же, вѣроятно, къ тактикѣ не только народнаго образованія, но и общеобязательной повинности.... Эта непривычка сосредоточиться на данномъ предметѣ видна по всей статьѣ; авторъ то и дѣло перелетаетъ съ предмета на предметъ, относя явленія совершенно не къ тѣмъ причинамъ, которыя ихъ произвели. Такъ, значеніе народной силы и общеобязательной повинности показано не Кениггрецомъ, а войнами первой революціи; потребность развитія солдата признана повсемѣстно вслѣдствіе распространенія дальнотрѣльнаго, а не скорозаряжаемаго оружія, т. е. послѣ Севастополя, а не послѣ Кениггреца.

Всякая большая, особенно неудачная война, заставляетъ обратиться къ тѣмъ вѣчно-истиннымъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народовъ, которые такъ легко забываются въ мирное время; слѣдуетъ ли изъ этого, что всякая большая война есть непременно эпоха въ тактикѣ? Да и гдѣ же, наконецъ, логика въ опредѣленіи тактической эпохи по явленіямъ, не имѣющимъ съ тактикою прямой связи?

Мы этимъ не хотимъ сказать, что кампанія 66-го года не дала ничего новаго для тактики; мы только показываемъ, что г. Байковъ, думая говорить о тактикѣ, говорить совершенно о другомъ.

Но вотъ, кажется, дошли мы и до тактики собственно.

«Какъ средство, лучше всего служащее для подготовки въ мирное время гармоніи дѣйствій въ военное, есть конечно *уставъ* и требованіе строгаго его исполненія».

Какой уставъ, г. Байковъ: военно-уголовный, дисциплинарный,

строевой, гарнизонной, внутренней службы? Это не маловажная неопределенность выражения, а упущение из виду сущности дѣла. Изъ послѣдующихъ разсужденій автора видно, что онъ разумѣетъ только строевой уставъ; а между тѣмъ, собственно въ «гармоніи дѣйствій» онъ имѣетъ значеніе не только не единственное, но даже и не первостепенное. По нашему убѣжденію, дѣлу «гармоніи» гораздо болѣе способствуетъ неуклонное исполненіе и внѣдреніе въ смыслъ и совѣсть каждаго чина уставовъ о службѣ внутренней и гарнизонной, ибо то, что готовится къ *единодушію дѣйствія* и къ самоотреченію во имя долга заключается именно въ нихъ; строевой же уставъ даетъ только *единовременность или стройность движеній*.

«Но такъ какъ въ бою уставъ, во всей своей правильности, не исполнимъ (продолжаетъ авторъ), то понятно, что и относиться къ нему въ бою, по большей части, придется не по буквѣ, а по духу — и то не всегда (вотъ тебѣ и разъ: слѣдовательно иногда придется относиться ни по буквѣ, ни по духу, а по чему-то третьему?). Въ мирное время безпорядокъ узаконяемъ быть не можетъ; въ военное же, отступленіе отъ мирныхъ порядковъ, въ большей или меньшей степени, неизбежно. Найти въ подобномъ случаѣ, установить и поддержать, такъ сказать, порядокъ въ безпорядкѣ и вывести изъ послѣдняго свою часть съ торжествомъ — достигнуть этого для офицера будетъ слишкомъ трудно, если онъ, въ мирное время, будетъ приученъ исключительно къ слѣдому исполненію уставныхъ формъ и безъ приказанія не сдѣлаетъ ступить шагу».

И такъ, то противорѣчіе, которое неминуемо представляется великимъ жизненнымъ явленіемъ, открыто: съ одной стороны нужно буквальное исполненіе устава, съ другой — привычка къ этому можетъ повести въ бою къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Ждешь, что авторъ примиритъ это противорѣчіе, укажетъ выходъ, почерпнутый имъ изъ наблюденій надъ богемской кампаніей, — не тутъ то было: поставленное имъ и дѣйствительно существующее противорѣчіе онъ топчетъ въ волнахъ краснорѣчія и оставляетъ читателя на распутии. Впрочемъ, чтобъ не подумали, что мы по пристрастію только не хотимъ замѣчать разрѣшенія, предоставимъ рѣчь автору съ того самаго мѣста, на которомъ прервали ее.

«Тогда всякая малѣйшая неожиданность можетъ поставить его въ тупикъ, и, неудивительно, если онъ при этомъ, что называется, не найдется».

(Да, ужъ если станетъ въ тупикъ, то конечно не найдется; но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, какъ нужно вести офицера и солдата, чтобы это случалось съ ними по возможности рѣже?)

«Ротные, батальонные командиры теперь должны всегда помнить, что они образуютъ совершенно самостоятельныя части (*) батальона, полка,

(*) Авторъ вѣроятно хотѣлъ сказать, что они начальники самостоятельныхъ частей, а не сами самостоятельныя части.

и должны всѣми своими физическими и умственными силами (энергіи не нужно?) стремиться къ достиженію, хотя бы и отдѣльною дорогою, но непременно той цѣли, которой добиваются ихъ батальонъ или полкъ».

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Но мы возвращаемся къ прежнему вопросу: что же дѣлать, и какъ поступать, чтобы и строевой уставъ строго исполнялся, и офицеры не становились въ тупикъ? Важность этого вопроса, имъ же самимъ возбужденнаго, авторъ, сознающій «*громадную важность мирной подготовки*», не признавать не можетъ. Можетъ и признаетъ, но рѣшеніемъ его себя не затрудняетъ.

Позволимъ себѣ прійти на помощь автору.

Исполненіе устава одно, а примѣненіе его другое дѣло; точно также какъ не ограничиваются однимъ теоретическимъ изученіемъ устава, а, напротивъ, упражняются въ немъ непрерывно, такъ, и еще болѣе, должно упражняться во второй части этого дѣла, т. е. рядомъ ученій пройти возможно большее число случаевъ примѣненія уставныхъ формъ не къ одной мѣстности, какъ это до сихъ поръ дѣлается, но къ роду и положенію противника (т. е. пѣхота, кавалерія, артилерія; въ какомъ разстояніи и направленіи). При такой системѣ занятій офицеръ твердо усвоитъ уставные типы, и выработаетъ въ себѣ сознательное отношеніе къ нимъ, т. е. совершенно ясно пойметъ, что изъ устава пригодно, для чего, когда и на сколько пригодно. Примиреніе противорѣчія заключается, слѣдовательно, въ томъ, чтобы исполнять *все* дѣло, какъ оно является въ бою, а не ограничиваться упражненіемъ только въ одной, и притомъ самой элементарной, части его. Въ бою уставные типы приходится строить не по однимъ геометрическимъ соображеніямъ, но подъ влияніемъ мѣста гдѣ деремся, времени когда деремся, непріятеля противъ котораго деремся. Очевидно, слѣдовательно, что въ боевой строй уставный типъ входитъ только какъ часть цѣлаго, представляемаго произведеніемъ изъ: уставнаго типа $\times$ на мѣстность $\times$ непріятеля $\times$ случайности. И если нехитрые уставные типы продѣлываютъ столько разъ, чтобы добиться ихъ правильнаго исполненія, то какой же практики требуется, чтобы большинство начальниковъ привыкло толково видоизмѣнять ихъ, принимая въ соображеніе только что указанная дѣянія? Понятно, что успѣха въ подобномъ дѣлѣ можно добиться только поступившись идеальною отчисткою элементарныхъ типовъ, ибо на то и на другое времени не хватитъ: *вотъ, по нашему, одно изъ существенныхъ указаній, вытекающихъ изъ новѣйшихъ войнъ*; и вотъ что авторъ долженъ былъ объяснить на имъ же поставлен-

ный вопрос о томъ, какъ сдѣлать, чтобы строевой уставъ и точно исполнялся, и не имѣлъ притупляющаго вліянія. Но легко ли такимъ указаніямъ проникать не только въ жизнь, но хоть въ сознание, авторъ можетъ судить по себѣ: даже натолкнувшись невольно на подобное указаніе, онъ его обошелъ.

Но это не все; въ мирное время безпорядокъ не можетъ быть узаконяемъ, какъ выражается авторъ, а въ бою онъ неизбеженъ, и опять является вопросъ: какъ примирить это противорѣчіе въ мирной подготовкѣ войскъ, т. е. какъ сдѣлать, чтобы войска и къ порядку были приучены, и отъ безпорядка, въ бою неизбежнаго, не становились въ тупикъ? Авторъ, разумѣется, и не пытается примирять его, а начинаетъ, какъ изъ вышеприведенной выписки видно, мечтать о затруднительности поддержанія порядка въ безпорядкѣ для офицера, приученнаго только къ исполненію устава.

Такая манера отношенія къ возникающимъ вопросамъ беспокоитъ, вѣроятно, и самого автора, ибо весьма должно быть тяжело тому, кто приходитъ къ противорѣчію, котораго разрѣшить не можетъ. Слѣдующимъ успокоить автора: путь къ разрѣшенію вопроса о приученіи къ восстановленію порядка изъ безпорядка давно указанъ: и если онъ проглядѣлъ его, то вѣроятно потому, что все думаетъ объ открытіи новаго, а зады забываетъ. Этотъ путь гениально простъ и прямо ведетъ къ цѣли: это — *сквозныя атаки*. Чтобы оцѣнить всю цѣлесообразность этого приема въ вопросѣ, беспокоящемъ г. Байкова, достаточно припомнить двѣ данныя изъ боевой обстановки: неустрашимый безпорядокъ возникаетъ въ моментъ свалки, быстрое приведеніе части въ порядокъ всего необходимѣе послѣ свалки. При сквозныхъ атакахъ возникаетъ то и другое: всякому видно, что сохраненіе порядка невозможно въ моментъ свалки и всякій приучается думать о томъ, что безпорядокъ долженъ быть уничтоженъ тотчасъ послѣ свалки. Прибавлять къ этому нечего, по крайней мѣрѣ для непредубѣжденныхъ.

Если къ сквознымъ атакамъ добавить практику въ сборѣ въ сомкнутый строй изъ разсыпного, въ которомъ люди перемѣшаны, если принять принципъ независимости частей отъ порядка носимыхъ ими номеровъ, то и выйдетъ полная система приученія офицеровъ не только къ сохраненію порядка въ безпорядкѣ, но даже и къ уничтоженію безпорядка порядкомъ.

Возбудивъ вопросы о порядкѣ въ безпорядкѣ и объ отношеніи между строевымъ уставомъ и его примѣненіемъ, авторъ открываетъ: 1) что современная армія должна составлять совокупность множества

малыхъ самостоятельныхъ частей, группирующихся въ большія, послѣднія еще въ большія и т. д., причемъ самостоятельность частей увеличивается прямо пропорціонально ихъ величинѣ; 2) что теперь тактика *приказаній* должна преобразиться въ тактику *указаній*. Автору на столько извѣстна исторія военного искусства, что съ его стороны по меньшей мѣрѣ странно выдавать за принадлежность современныхъ армій то, что составляло принадлежность не только всѣхъ регулярныхъ, но и ирегулярныхъ войскъ, и во всѣ времена (*). Что же до второго открытія, то, по нашему посильному мнѣнію, это просто игра словъ, за которою скрывается не совсѣмъ ясное пониманіе дѣла.

Если авторъ находитъ разницу между приказаніемъ и указаніемъ, то лучше было бы ее пояснить; мы же ее не видимъ, ибо дѣльное приказаніе и должно отличаться именно тѣмъ, что составляетъ, по мнѣнію автора, принадлежность указанія, т. е., должно ясно указывать цѣль, не касаясь подробностей исполненія. Послѣ этого спрашивается: къ чему подобная игра словъ въ предметъ серьезномъ? Вѣдь прочитавъ эту мудрость, иной въ самомъ дѣлѣ увѣруетъ, что въ день Кениггреца родилась на свѣтъ Божій какая-то тактика указаній, которая отбѣснила на низшую степень тактику приказаній. Всякій пишущій о военныхъ предметахъ, особенно у насъ, долженъ считать своимъ долгомъ разъяснить ихъ по возможности просто, а не плодить непониманіе, закрывая дѣло самое нехитрое шумихой фразъ и словъ.

Открывъ тактику указаній, авторъ переходитъ къ другому (**), необходимому, по его мнѣнію, условію мирной подготовкѣ, именно къ *усовершенствованіямъ* разнаго рода, выражаются ли они по части администраціи, артилеріи, тактическихъ формъ и проч. «На войнѣ каждое (?) усовершенствованіе, обнаруживаясь впервые, ошеломляетъ ту сторону, противъ которой оно направлено, а потому и не слѣдуетъ пренебрегать введеніемъ таковыхъ у себя».

Если бы еще можно было сомнѣваться въ томъ, что авторъ не изъ фактовъ извлекаетъ выводы, а, напротивъ, къ заранѣе заготовленнымъ выводамъ пришиваетъ факты, то всякое сомнѣніе должно исчезнуть по прочтеніи только что цитированной фразы. Вѣдь пружина

(*) Даже и не однихъ войскъ, а всякаго народнаго организма: авторъ въ этомъ и самъ убѣдился, вспомнивъ десятскихъ, сотскихъ, тысяцкихъ и т. д.

(**) Какое первое, мы признаемся не открыли: можетъ быть это народное образованіе, можетъ исполненіе устава, можетъ тактика указаній.

саки пренебрегли же картечью, и пренебрегли тогда еще, когда побивались французовъ: а между тѣмъ это пресловутое (*) изобрѣтеніе эксъ-императора Луи-Наполеона не ошеломило же ихъ въ послѣднюю войну? Не ошеломило ихъ и то, что, въ сравненіи съ французами, они въ эту войну были вооружены палками: обстоятельство, могшее подѣйствовать посильнѣе трескотни картечи. Не ошеломило также Габленца скорострѣліе прусаковъ подъ Траутенау въ 1866 году; равномѣрно какъ прусаки не были ошеломяны австрійскими ракетами.

Выводъ изъ этихъ фактовъ для привыкшаго уважать ихъ ясенъ: 1) не всякое нововведеніе есть еще усовершенствованіе, и единственное вниманіе, коего нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ, заключается въ томъ, чтобъ не обращать на нихъ никакого вниманія; 2) не ошеломяютъ хорошо выдержанной и честно веденной арміи матеріальныя преимущества противника даже въ чемъ либо серьезномъ, не говоря уже о какихъ либо штучкахъ. По автору же выходитъ, что *каждое* нововведеніе, обнаруживаясь впервые, ошеломяетъ на войнѣ ту сторону, противъ которой оно направлено, а потому и не слѣдуетъ пренебрегать введеніемъ таковыхъ у себя! И онъ думаетъ, что это слѣдуетъ изъ кениггрецкаго погрома...

Можетъ быть скажутъ, что прусаки не примѣръ, что они могутъ и ошибаться: факты подтвердили однако, что не ошиблись; а исторія введенія у нихъ скорозаряжаемаго оружія лучше всего показываетъ, что не подумавши ничего они не дѣлаютъ, и не ждуть примѣра отъ другихъ, когда рѣчь идетъ о принятіи чего нибудь дѣйствительно полезнаго. Нужно помнить, что прусаки *перые* перешли отъ гладкоствольной прямо къ нарезной и вмѣстѣ скорозаряжаемой системѣ; слѣдовательно у нихъ нашлись люди, которые не пужались въ опытѣ, чтобы оцѣнить преимущества, доставляемыя унитарнымъ патрономъ и заряданіемъ съ казны и рѣшились принять то и другое тогда, когда у прочихъ народовъ никто ни о чемъ подобномъ и не помышлялъ. Какъ шло это дѣло въ другихъ государствахъ западной Европы? Сначала крайнее упорство, до Кениггреца; непосредственно вслѣдъ за нимъ какая суета и какое шатаніе! Нѣтъ государства (кроме Франціи), въ которомъ не колебались бы между тремя, четырьмя системами. Кажется, этого одного достаточно, чтобы понять, въ чемъ заключаются здравые принципы военныхъ нововведеній; автору же кажется, что эти принципы именно и состоятъ въ томъ,

(*) Авторъ разумѣетъ здѣсь картечину французской системы.

что армія должна безъ разбора хватать всякую новинку, которая появится въ какой либо другой арміи.

Отъ этихъ общихъ соображеній авторъ переходитъ къ разбору дѣйствій каждаго рода войскъ, начиная, конечно, съ пѣхоты.

Здѣсь онъ открываетъ, во первыхъ, какую то тактику огня, противоположаемую имъ тактикѣ массъ (*), открываетъ, что штыкъ и пуля *помѣнялись* (!) ролями, и что если Суворовъ перваго называлъ молодцомъ, а послѣднюю дурую, то теперь приходится сказать обратное.

Новое доказательство того, что у автора слово какъ будто вырывается само собою и идетъ въ разрѣзъ съ мыслью довольно безпрепятственно, если только фраза гладко выходитъ. Всякому извѣстно, что огнестрѣльное оружіе играетъ роль средства подготовительнаго, а холодное—рѣшительнаго. Неужели же авторъ, мѣняя ихъ ролями, думаетъ, что впредь штыкъ будетъ готовить ударъ, а огонь рѣшать его?!

Дѣло въ томъ, что упоминаемый авторомъ афоризмъ высказанъ Суворовымъ не отдѣльно, не какъ самостоятельная истина, но какъ результатъ цѣлаго разсужденія объ относительныхъ свойствахъ холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Вотъ это разсужденіе: «Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять; стрѣлай рѣдко да мѣтко; штыкомъ коли крѣпко, пуля обмишурится, а штыкъ не обмишурится; пуля дура, а штыкъ молодецъ».

Попытаемся переложить этотъ великій трактатъ объ относительныхъ свойствахъ обихъ оружій на языкъ, болѣе доступный автору «Вліянія Кениггреца»; можетъ быть изъ переложенія онъ увидитъ, что, встань Суворовъ изъ гроба, ему бы не пришлось ничего мѣнять въ своихъ словахъ.

«Огнестрѣльное оружіе требуетъ перевозки припасовъ—штыкъ никакихъ припасовъ не требуетъ; ружье нужно заряжать—штыкъ всегда заряженъ; разстрѣляли патроны, ружья нѣтъ—штыкъ всегда есть; слѣдовательно, береги пулю. Выстрѣлъ требуетъ довольно сложныхъ предварительныхъ манипуляцій, торопливое исполненіе которыхъ ведетъ къ пусканію пули на вѣтеръ: слѣдовательно нужно стрѣлять рѣдко да мѣтко; штыкъ ничего этого не требуетъ; имъ можно колоть и часто, и мѣтко. Какъ бы ружье ни было совершенно, даже и на 50 шаговъ промахъ вѣроятнѣе, чѣмъ штыкомъ на шагъ или полтора; и во всякомъ случаѣ для дѣйствія послѣднимъ нужно

(*) По счету это будетъ уже четыре тактики, съ открытыми прежде тактиками: приказаній, указаній и командъ.

гораздо больше безстрашія, самоотверженія, чувства товарищества, чѣмъ для стрѣльбы, болѣе отвѣчающей инстинкту самосохраненія. Стрѣльба требуетъ покоя — ударъ штыкомъ движенія впередъ, которое уже само по себѣ выражаетъ чувство нашего превосходства надъ непріателемъ. Перестрѣливаться можно цѣлые часы и ничего не добиться — штыкъ разомъ заставляетъ непріателя дать тылъ. Слѣдовательно пуля дура, штыкъ молодецъ. Это отнюдь не исключаетъ употребленія пули; но на нее одну рассчитывать нельзя.

Дѣлать заключеніе объ относительномъ значеніи холоднаго и огнестрѣльнаго оружія по числу убитыхъ и раненыхъ по меньшей мѣрѣ наивно; ибо цѣль на войнѣ заключается вовсе не въ томъ, чтобы перебить возможно больше народа, но въ томъ, чтобы заставить непріателя сдать намъ; убѣдить его наглядно, что онъ не можетъ намъ сопротивляться. Этой послѣдней цѣли штыкъ, употребленный конечно рационально, достигаетъ всегда; одинъ же огонь никогда ее не достигаетъ, если противникъ мало-мальски стоекъ. Говорить, что до штыка рѣдко доходитъ дѣло: что же это доказываетъ, кромѣ того, что и трусы могутъ между собою перестрѣливаться; между тѣмъ какъ и храбрыя войска не всегда являютъ достаточную силу духа, чтобы сойтись на штыкъ? Значеніе оружія, требующаго столь высокой доблести отъ человѣка, никогда не умадится; отвергать это могутъ только тѣ, которые не понимаютъ роли нравственной стороны въ боевыхъ столкновеніяхъ. Въ большей части случаевъ выказаннаго желанія сойтись на штыкъ бываетъ достаточно, чтобы противникъ далъ тылъ; но этого желанія поддѣлать нельзя, а нужно быть дѣйствительно готовымъ сойтись на штыкъ: только тогда ему противникъ подчинится. И такъ, какъ бы рѣдко ни случались штыковые свалки, къ нимъ нужно готовить войска, какъ къ высшему и труднѣйшему подвигу, къ какому только они могутъ быть призваны въ бою.

Только мысль о штыкѣ, при занятіяхъ войскъ, заставляетъ подумать о томъ, чтобы выдержать ихъ въ привычкахъ безстрашія, самоотверженія, рѣшимости, способности ставить вопросъ борьбы такъ, чтобы середины между гибелью и побѣдою не было. Занятія стрѣльбою ничего этого не даютъ, напротивъ: выжиданіе, высматриванье, прятанье, колебаніе. Однимъ словомъ, штыкъ и пуля опять представляютъ ту жизненную антиномію (или противорѣчіе), въ которой гармоническое развитіе возможно только при условіи уравновѣшенія, а не исключенія членовъ ее другъ другомъ.

Разсказываютъ, что австрійцы бросались въ штыки. Во-первыхъ,

бросаться и желать довести акаку до конца — двѣ вещи розныя; во вторыхъ, они не подготовляли атаки огнемъ, при чемъ же тутъ, спрашивается, штыкъ, если имъ не удавалось? Развѣ кто нибудь когда нибудь проводилъ ту нелѣпую мысль, что огонь и штыкъ исключаютъ другъ друга? Проводилось, напротивъ, что они *дополняютъ* другъ друга. Вѣдь даже при тогдашней ничтожной дѣйствительности огня Суворовъ не говоритъ: «не стрѣлай», а говоритъ: «стрѣлай рѣдко да мѣтко». Да и отъ того ли австрійцы не доходили, что несли потери, или отъ того, что *внутренно* были неспособны дойти? Вѣдь давали тылъ не тѣ изъ нихъ, которыхъ подстрѣливали, а тѣ, которые, слава Богу, оставались здоровы. И если у нихъ были силы бѣжать назадъ, то кто же мѣшалъ имъ употребить эти силы, чтобы идти впередъ? И какое средство узнать въ бою, велики ли наши потери? это дѣло относительное: можетъ быть непріателю мы нанесли въ это время потери еще большія? Пусть же не представляютъ этого резона трусовъ за что нибудь иное, кромѣ оправданія ничтожества и недостатка стойкости тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ.

Если бы г. Байковъ далъ себѣ трудъ внимательнѣе всмотрѣться въ дѣйствія прусаковъ въ обѣ кампаніи, а не хлопоталъ бы о проведеніи во что бы то ни стало предвзятыхъ мыслей, онъ не могъ бы не замѣтить: 1) что они не стрѣляютъ изъ строя до самыхъ близкихъ разстояній, т. е. стараются стрѣлять *рѣдко да мѣтко*; 2) Лѣзутъ, несмотря на потери, на самыя сильныя позиціи, и берутъ потому именно, что умѣютъ лѣзть по штыковому, т. е. между побѣдою и гибелью середины не признаютъ.

Изъ всего сказаннаго гг. рыцари пули, можетъ быть, убѣдятся, что дѣло не въ томъ, чтобы глубокомысленно сидѣть надъ разрѣшеніемъ вопроса, что важнѣе: пуля или штыкъ, но въ томъ только, чтобы поставить ихъ на должное мѣсто относительно другъ друга. Напрасно они отстаиваютъ ее угнетенную невинность; напрасно обижаются, что Суворовъ обозвалъ ее дураю, а здравый смыслъ народа «шалною»: это говорилось не въ пику пулѣ, не съ тѣмъ, чтобы задѣть ее самолюбіе, а просто потому, что *такъ оно есть и такъ всегда будетъ*. Ибо можно совершенствовать дѣйствительность оружія, но *внутреннихъ, основныхъ свойствъ его измѣнить нельзя*. Затѣмъ, изслѣдовать что важнѣе, штыкъ или пуля, — дѣло праздное и соответствуетъ глубокомысленному разсужденію о томъ, на примѣръ, что въ ружьѣ важнѣе: стволь, ложа, гайки, перка, курокъ, боевая пружина или мелочные винты? Все важнѣе.

Намѣтивъ развитіе цѣннаго боя въ новѣйшихъ сраженіяхъ, авторъ

открываетъ, что для удара теперь нужно выбирать преимущественно флангъ, что вслѣдствіе (?) этого боевой порядокъ долженъ быть теперь *углубленный* и возникаетъ необходимость его *дробленія*.

На основаніи этихъ соображеній онъ предлагаетъ типъ боевого порядка для бригады, собственнаго своего изобрѣтенія.

Во первыхъ, фланговые атаки *всегда*, даже до изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, предпочитались фронтальнымъ, *когда къ этому представлялась возможность*; во-вторыхъ, ни углубленность боевого порядка, ни необходимость его дробленія не вытекаютъ изъ понятія о фланговой атакѣ; въ третьихъ, порядокъ, называемый авторомъ углубленнымъ, установился еще съ Наполеоновскихъ войнъ, а необходимость дробленія, т. е. принятія въ боевой части единицы менѣе крупной чѣмъ батальонъ, выяснилась крымскою кампаніею до того, что ни въ одномъ изъ нормальныхъ порядковъ, съ тѣхъ поръ у насъ сочинявшихся, авторъ не найдетъ боевой линіи, расположенной иначе какъ поротно. А ему кажется, что все это есть слѣдствіе Кениггреца.

Въ увлеченіи потребностью изобрѣтать и открывать, авторъ не сличилъ боевого порядка, изобрѣтеннаго имъ послѣ «эпохи», съ тѣмъ, который вошелъ въ «*Правила для совокупныхъ учений пѣхоты съ пѣшею артилеріею*», изданныя помнится въ 1857 году, слѣдовательно задолго до «эпохи»: онъ бы увидѣлъ, что этотъ порядокъ «до эпохи» составляетъ очевидное и чрезвычайно близкое подражаніе его порядку, изобрѣтенному «послѣ эпохи». Разница между ними въ томъ только, что частные резервы поставлены у автора въ полубатальонныхъ колонахъ, между тѣмъ какъ въ уставномъ порядкѣ они поставлены въ батальонныхъ, что существеннымъ, конечно, никто не признаетъ, кромѣ автора, усматривающаго въ полубатальонныхъ колонахъ особенныя выгоды. Упустилъ онъ при этомъ одно изъ виду: именно то, что для частныхъ резервовъ, какъ и для боевой линіи, нѣтъ лучшихъ строевъ на всѣ случаи, ибо этотъ вопросъ рѣшается не формою строя, а мѣстностью. Есть одно только закрытіе—батальонъ частнаго резерва расположится за нимъ въ батальонной колонѣ; есть два—можетъ стать и въ полубатальонныхъ; есть нѣсколько мелкихъ—станетъ и поротно. Никакихъ закрытій нѣтъ—станетъ подале и развернется.

Предпочитать въ этомъ случаѣ какой либо строй остальнымъ значить не принимать въ расчетъ ни мѣстности, ни необходимости давать самостоятельность каждому частному начальнику въ сферѣ его дѣятельности.

Въ началѣ статьи авторъ заявилъ о необходимости инициативы въ частныхъ начальникахъ. Мы желали бы знать, какіе пути избреть онъ для развитія ея въ батальонныхъ и ротныхъ командирахъ, если не считаетъ возможнымъ предоставить ихъ личной умственной дѣятельности даже такой невинной вещи, какъ выборъ строя въ зависимости отъ обстановки, въ которой ихъ часть находится? Этимъ онъ лишаетъ ихъ даже той доли самостоятельности, которую пользуется солдатъ въ цѣпи, избирая себѣ какую угодно позу.

Или опять на счетъ дистанцій; авторъ начинаетъ съ того, что онѣ зависятъ отъ мѣстности; но это только такъ, вывѣска; а настоящее заключается въ томъ, что дистанціи опредѣляются тутъ же, непосредственно, и притомъ самымъ точнымъ образомъ. Да, за одно уже, предлагается располагать въ цѣпи звено отъ звена на 30—50 шаговъ, что представляетъ не только тактическую несообразность, но и обнаруживаетъ неполное знакомство со строевымъ уставомъ, предписывающимъ давать 15, 30, 40 шаговъ «*на звено*», а не «*между звеньями*»,—что далеко не одно и то же. Дѣло въ томъ, что точно также какъ назначаются не интервалы между дивизіями, полками, батальонами при расположеніи ихъ на позиціи, а участки, которые они занимать должны, точно также назначаются участки и для звеньевъ, на которыхъ люди этихъ послѣднихъ располагаются какъ имъ удобнѣе. Въ воображеніи же автора эти 30—50 шаговъ рисуются въ родѣ распорокъ между каждыми двумя сосѣдними четверками; а люди этихъ послѣднихъ стоящими вмѣстѣ—должно быть для того, чтобъ легче было ихъ перестрѣлять.

Относительно кавалеріи, не можемъ не замѣтить, что отмежевываніе для нея мѣстъ непременно на флангахъ слишкомъ безусловно, и обнаруживаетъ въ авторѣ то же самое попятное отношеніе къ нормальщину, на которое уже указано и которое такъ противно духу новѣйшей тактики.

Артилеріи посчастливилось гораздо менѣе, чѣмъ кавалеріи: авторъ не только предлагаетъ въ тактикѣ ея много измѣненій, но и касается самой организациі артилеріи. Въ этомъ отдѣлѣ статьи авторъ говоритъ и о картечицахъ, являясь, повидимому, ихъ горячимъ, но на самомъ дѣлѣ коварнымъ другомъ.

Тактическія измѣненія, проектируемыя авторомъ, слѣдующія:

1) (Стр. 337). «...съ первыхъ же минутъ дѣла, нарѣзная артилерія должна быть уже *на позиціи* и *въ возможно большемъ* количествѣ. Тутъ, въ *первой линіи*, ея мѣсто, а не въ резервѣ».

Что артилерія будетъ на позиціи съ первыхъ минутъ боя при всякомъ ожидаемомъ столкновеніи, въ этомъ, полагаю, и безъ авто-

ра никто не сомнѣвался, съ тѣхъ поръ, какъ артилерія существуетъ; что же до того, чтобы обходиться безъ артилерійскаго резерва съ первыхъ же минутъ боя, то это, по нашему мнѣнью, столь же смѣлое, сколь и мало основательное предложеніе, навѣянное на автора очевидно тѣмъ, что подъ Кениггрецомъ артилерійскій резервъ австрійцевъ и значительная часть артилеріи прусаковъ остались безъ употребленія.

Впрочемъ, авторъ на стр. 350 и самъ говоритъ, что «отнюдь нельзя ставить за непрѣмное правило — сразу выдвигать на позицію корпусную артилерію; легко можетъ случиться, что это придется сдѣлать и многимъ позже начала артилерійскаго боя». Чему же вѣрить?

2) Нарѣзная артилерія не должна (слышите, читатель, *не должна!*) подъѣзжать ближе 500—600 сажень къ непріятельской позиціи.

Этотъ принципъ новой тактики автора представляетъ наглядное и печальное свидѣтельство того, какъ мало распространены у насъ методъ правильнаго теоретическаго изслѣдованія. Авторъ сначала, положимъ, на тотъ фактъ, что дѣйствительность пораженія нарѣзныхъ орудій на дистанціи, меньшія 500 сажень, увеличивается слабо, а прислуга и лошади начинаютъ терпѣть отъ стрѣльбоваго огня, и ему этого совершенно достаточно, чтобы неустранимо умозаключить, что нарѣзная артилерія «не должна» подъѣзжать къ противнику ближе 500—600 сажень. Онъ очевидно упускаетъ изъ виду, что можетъ быть такая мѣстность, на которой только и можно что нибудь сдѣлать подъѣхавъ къ непріятелю гораздо ближе этого разстоянія; что по сторонамъ нашихъ батарей также есть стрѣлки; что батареи могутъ быть закрыты нашими войсками такъ, что черезъ головы будетъ опасно стрѣлать; что гдѣ для достиженія цѣли не жалѣютъ десятковъ тысячъ людей, тамъ странно жалѣть лошадей и орудія; что порядочная артилерія есть войско, а не дальнострѣльный цѣль, и что, какъ войску, самоотверженіе и чувство выручки своихъ должно быть свойственно ей не менѣе какъ пѣхотѣ и кавалеріи.

3) Кавалерійскимъ дивизіямъ должны быть придаваемы не только орудія, но и картечницы (стр. 347).

4) Пропорція артилеріи къ другимъ родамъ оружія должна быть значительно увеличена (347).

5) Число зарядовъ при пѣшихъ нарѣзныхъ батареяхъ также должно быть увеличено (348).

6) Пѣхота можетъ опереживать артилерію на 1,000 даже на 2,000 шаговъ (349).

Предоставляя себѣ впоследствии долѣе остановиться на мнѣнн

автора о картечницахъ, замѣтимъ относительно приданія ихъ кавалеріи только одно: если картечницы представляютъ собою, по выраженію автора, оружіе минуты, въ томъ смыслѣ, что мгновенія для дѣйствія ихъ такъ же мимолетны, какъ для кавалерійскихъ атакъ, то какую же пользу могутъ онѣ принести кавалеріи при таковой же мгновенности ея свалокъ и быстротѣ движеній?

Увеличеніе относительнаго числа орудій въ арміи, сверхъ той нормы, которая принята у прусаковъ, было бы, по нашему мнѣнью, большою тягостью для войскъ и большою тактическою ошибкою: при походныхъ движеніяхъ въ распутицу, по мало-мальски дурнымъ дорогамъ, такое увеличеніе обоза имѣло бы неминуемымъ слѣдствіемъ страшное изнуреніе пѣхоты, а растяжка колонъ дошла бы до невозможныхъ размѣровъ.

Требованіе увеличенія числа зарядовъ объясняется все тою же привычкою автора увлекаться одною стороною предмета, не обращая на прочія никакого вниманія. Въ бою конечно пріятно имѣть побольше зарядовъ—и это авторъ видитъ; но что нужно возить ихъ до боя—этого онъ не видитъ, равно какъ и того, что необходимость увеличенія числа зарядовъ ни малѣйше не слѣдуетъ изъ кампаніи не только 1866, но даже и 1870 года. Если были батареи, разстрѣливавшія весь свой комплектъ, за то были другія, которыя разстрѣляли только ничтожную его часть. Да и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уходилъ весь комплектъ, это правильнѣе объяснять, по нашему мнѣнью, неспокойнымъ состояніемъ духа командировъ, а не тѣмъ, чтобы такъ ужъ много представлялось выгодныхъ цѣлей для стрѣльбы.

Относительно того, будто пѣхота можетъ опереживать артилерію даже на 2,000 шаговъ, можемъ только замѣтить, что, должно быть, авторъ не представлялъ себѣ этой дистанціи въ дѣйствительности, если рѣшился это написать. Смѣло можно сказать, что, оставшись за пѣхотою въ 700 саженахъ, артилерія въ чужихъ будетъ попадать плохо, а въ своихъ угодить рискуетъ.

Мнѣнія г. Байкова о картечницахъ производятъ весьма странное впечатлѣніе: повидимому онъ партизанъ этихъ орудій, а между тѣмъ хвалить ихъ такъ, что невольно подумаешь:

«Не поздоровится отъ этихъ похвалъ!»

Такъ, перечисливъ выгоды картечницы, онъ прямо указываетъ на недостатокъ, уничтожающій всѣ эти выгоды въ полевой войнѣ—т. е. на неспособность ея опредѣлять для самой себя разстоянія. Въ средства исправленія этого недостатка, въ родѣ употребленія дальнострѣловъ на полѣ сраженія, авторъ тоже плохо вѣритъ. Пристраиваніе

картечицъ къ настоящимъ батареямъ — мѣра хорошая, но болѣе мирная, чѣмъ военная; ибо въ бою на томъ мѣстѣ, куда понадобится выдвинуть картечицы, можетъ и не случиться батарей.

Сравнительно съ пѣхотою, авторъ признаетъ только одно преимущество за картечицами — огнемъ ихъ легче управлять; «но за то рѣшительно во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ огонь пѣхотной цѣли, когда ей (*) удастся подойти къ картечицѣ на дѣйствительный ружейный выстрѣлъ, долженъ взять верхъ» (**). Въ примѣчаніи своемъ о томъ, что по меньшей мѣрѣ странно дѣлать расчеты, сколькихъ стрѣлковъ можетъ замѣнить картечица, — авторъ мотивируетъ свое презрѣніе къ подобнымъ расчетамъ тѣмъ, что одинъ хорошій стрѣлокъ, скрытно помѣстившись отъ картечицы въ 300-хъ—400-хъ и болѣе шагахъ, можетъ въ нѣсколько мгновеній перебить всю прислугу; слѣдовательно, авторъ намекаетъ на то, что, по его мнѣнію, картечица не только 40 стрѣлковъ, но иногда и одного не стоитъ. Далѣе, изъ характеристики современного боя, авторъ выводитъ, на сколько случаи употребленія картечицъ могутъ быть рѣдки, и приходитъ къ заключенію, что онѣ — *оружіе минуты* или *артиллерійская кавалерія*! Если это такъ, то огонь картечицъ лишень главной выгоды, присущей вообще огнестрѣльному дѣйствию: именно той, что огонь можетъ достигать своихъ цѣлей, не стѣсняясь выборомъ мгновеній, въ продолжительные промежутки времени. Онъ не ловить мгновеній, онъ, напротивъ, вырабатываетъ ихъ для удара холоднымъ оружіемъ. Поэтому обозвать огнестрѣльное оружіе кавалеріей, такая же по нашему мнѣнію иронія, какъ, напримѣръ, обозвать кавалерію четвероногою пѣхотою.

Авторъ, зная очень хорошо, до какой степени мало развито у насъ знаніе внутреннихъ свойствъ оружія, позволилъ себѣ эту иронію въ надеждѣ, что она проскользнетъ незамѣченною; но мы, въ интересѣ картечицъ, считали своимъ долгомъ ее раскрыть.

Но верхъ затаеннаго недоброжелательства автора къ этому новому и столь много пулъ выпускающему ружью (при условіи впрочемъ безостановочнаго дѣйствія механизма, довольно сложнаго), проглядываетъ въ одномъ «практическомъ» приѣмѣ, предлагаемомъ авторомъ. Какъ бы заботясь о предоставленіи картечицамъ роли, которая доказала бы, что и въ полевой войнѣ онѣ могутъ быть иногда пригодны, и все налегая на то, что онѣ должны «ловить» минуты для дѣйствія, авторъ предлагаетъ для уловленія этихъ минутъ (стр. 345)

(*) А препятствій этому, кромѣ обыкновенно въ бою встрѣчаемыхъ, нѣтъ.

(**) Подлинныя слова автора.

«Высылать отъ скорострѣльныхъ батарей на позицію офицеровъ или знающихъ фейерверкеровъ, которые наблюдали бы отсюда за движеніемъ непріятеля и давали бы знать на батарею, или, что лучше, подавали бы условный знакъ, какъ только наступитъ удобная для выѣзда ея на позицію минута. Батарея же, стоя въ резервѣ, должна постоянно находиться, такъ сказать, на чеку, съ тѣмъ, чтобы, по первому знаку, вылетать впередъ».

Къ этому въ примѣчаніи прибавляется, что если съ мѣста расположенія батарей не видно высланнаго на позицію наблюдателя, то полезно между нимъ и батарею поставить одного или нѣсколько передаточныхъ нумеровъ.

Трудно представить себѣ болѣе ядовитую и искуснѣе замаскированную иронію противъ бѣдныхъ картечицъ! Повидимому, авторъ заботится о нихъ нѣжнѣйшимъ образомъ, все предусматриваетъ, даже махальныхъ по полю сраженія разставилъ; только одно упустилъ изъ виду, намѣренно конечно, чтобы выставить картечицы въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ: *что ни одинъ начальникъ не потерпитъ у себя въ части батарей, безъ его вѣдома шныряющихъ изъ резерва въ боевую линію и обратно*. Представьте себя, читатель, на мѣстѣ начальника, имѣющаго подъ командою батарею подобнаго рода; вы, можетъ быть, уже назначили имъ мысленно время и мѣсто употребленія, ждете удобной минуты, чтобы ихъ выдвинуть — не тутъ то было: по манію знающихъ фейерверкеровъ, съ которыми вы имѣли несчастье не сойтись во мнѣніяхъ, ваши батареи поскакали не туда, куда и когда вы хотѣли, а туда, гдѣ употребленіе ихъ можетъ принести пользу, по мнѣнію тѣхъ знающихъ фейерверкеровъ! Кажется, и говорить излишне о томъ, что, при подобныхъ условіяхъ, распоряженіе боемъ становится *невозможнымъ*.

Авторъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими общими выводами:

«Современная тактика должна быть названа тактикою огня, а не штыка, тактикою массы мелкихъ частей, вводимыхъ въ бой, а не сплошныхъ массъ — колоннъ».

Нѣтъ, и послѣ огнестрѣльнаго оружія, никогда не было ни тактики исключительно огня, ни тактики исключительно штыка; есть и будетъ здравая тактика, которая не занимается обсужденіемъ смѣшной табели о рангахъ — что выше: штыкъ или огонь, а утверждаетъ и утверждаетъ, что они не исключаютъ, а дополняютъ другъ друга; что воображать, будто на готоваго къ бою непріятеля можно идти въ штыки безъ подготовки атаки огнемъ, такъ же нелѣпо, какъ и воображать, будто всегда можно достигнуть цѣли однимъ огнемъ, не

прибѣгая къ атакѣ въ штыки. Что же до сплошныхъ массъ, то отъ нихъ отказались еще съ крымской кампаніи, и очень стараться опровергать ихъ теперь—то же, что сражаться съ мельницами.

«Бой рѣшается почти исключительно пѣхотою; артилерія его подготавливаетъ; кавалерія даетъ возможно лучшую обстановку (?)».

Истинно, но не ново; съ Наполеона это установилось, равномѣрно какъ и сильныя батареи; будетъ это примѣняться въ бою иногда болѣе, иногда менѣе удачно, смотря по способностямъ дѣятелей; но послѣднія кампаніи ко всему этому ничего новаго не прибавили. Что же до опредѣленія роли кавалеріи, то мы не понимаемъ, что авторъ хотѣлъ сказать фразой: «кавалерія даетъ возможно лучшую обстановку».

«Въ бою атаки во флангъ должны получить преобладающее значеніе».

Фланговые атаки всегда предпочитались фронтальнымъ *при возможности*; но воображать, чтобы онѣ всегда были возможны, по меньшей мѣрѣ, наивно; послѣ этого, преобладающее значеніе, признаваемое отнынѣ авторомъ за фланговыми атаками, не имѣетъ собственно никакого значенія, ибо случись сряду двадцать разъ такое положеніе, что иначе, какъ фронтальной атакой достигнуть цѣли нельзя, никто и не подумаетъ о фланговой атакѣ; случись слѣдующіе двадцать разъ такое положеніе, что можно взять съ фланга, и фланговая атака будетъ предпочтена фронтальной. Послѣ первыхъ двадцати разъ явится наблюдатель, который умозаключитъ, что отнынѣ фронтальныя атаки получаютъ преобладающее значеніе; а послѣ вторыхъ двадцати разъ явится другой, столь же проникательный наблюдатель, который умозаключитъ, что отнынѣ фланговые атаки получаютъ такое же значеніе; и оба будутъ виноваты въ томъ же самомъ, т. е. въ одностороннемъ выводѣ. Ибо какое направленіе дать атакѣ—зависитъ не отъ васъ, и даже не отъ оружія, а главнѣйше отъ позиціи, которую собираетесь атаковать, и отъ свойствъ противника, ее защищающаго. Авторъ подмѣтилъ вѣшнее выраженіе факта, т. е. постоянное стремленіе прусаковъ къ фланговымъ атакамъ, а причина этого стремленія осталась для него непонятною. Дѣло въ томъ, что въ обѣихъ кампаніяхъ они имѣли дѣло съ *непріятелемъ пассивнымъ и неимѣющимъ понятія о сторожевой службѣ*. А въ послѣднюю кампанію къ этому прибавилось еще громадное превосходство въ силахъ съ ихъ стороны. При такихъ условіяхъ понятно, что фланговая атака всегда будетъ хороша, ибо непріятель пассивный, т. е. не переходящій въ наступленіе, всегда дастъ время исполнить обходъ, а отсутствіе съ его стороны

наблюденія по флангамъ обезпечиваетъ важнѣйшее, по нашему мнѣнію, условіе успѣха при обходѣ — большую или меньшую неожиданность появленія на флангѣ противника.

«Боевой порядокъ долженъ быть углубленный».

Мы уже выше показали, что въ боевомъ порядкѣ автора трудно открыть какое либо существенное отличіе отъ нашего нормального порядка, сочиненнаго тотчасъ послѣ крымской кампаніи; автору принадлежитъ только наименованіе этого порядка «*углубленнымъ*», противное существу дѣла, ибо, при стремленіи къ охватамъ, получается чаще растянутый, чѣмъ углубленный порядокъ.

«Необходимо возможно-сильнѣе (бдительнѣе?) обезпечивать фланги и имѣть про всякія случайности всегда готовый и сильный резервъ».

Первое истинно, но не ново; второе, т. е. сильный резервъ, ложно тѣмъ, что слишкомъ безусловно высказано. При значительномъ превосходствѣ въ силахъ, при наступленіи, совѣтъ автора непримѣнимъ. Если онъ признаетъ, что нормы нѣтъ для боевого порядка, то онъ долженъ былъ бы признать, что ея нѣтъ и для силы резерва, составляющаго часть боевого порядка.

«Главную часть резерва составляетъ пѣхота съ небольшою частью кавалеріи и съ картечницами».

Болѣе или менѣе останется кавалеріи при резервѣ—зависитъ отъ мѣстности по флангамъ и на фронтѣ позиціи; что же до оставленія въ главномъ резервѣ только картечницъ, то едва ли онѣ могутъ замѣнить орудія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, для которыхъ резервъ назначается; и потому, по нашему мнѣнію, такой составъ резерва былъ бы крайне ошибоченъ и находится въ противорѣчій даже съ тѣмъ, что авторъ самъ говоритъ о картечницахъ, именно: что въ сравненіи съ орудіемъ картечница есть «орудіе *одностороннее* и *добавочное*» (стр. 335); между тѣмъ какъ назначеніе резерва весьма разносторонне.

«Нарѣзная артилерія должна быть вводимая въ боевую часть съ началомъ боя».

Если авторъ подъ этимъ разумѣетъ, что *вся* нарѣзная артилерія должна быть употребляема такимъ образомъ, то онъ не правъ, да и самъ себя противорѣчитъ, что показано выше; если же онъ хотѣлъ этимъ сказать только то, что артилерія своей канонадой начинаетъ бой, то вѣдь и гладкая дѣлала то же самое: въ чемъ тогда новость?

«Кавалерія до боя—впередѣ и по флангамъ; во время боя—по флангамъ же и въ резервѣ».

Развѣ прежде было иначе?

Перехода, въ заключеніе статьи, къ боевому порядку, авторъ

открывается, что боевой порядокъ теперь, болѣе чѣмъ когда либо, не подходитъ подъ какіе бы то ни было нормальные чертежи, и что онъ долженъ быть раздѣленъ на перпендикулярные участки, т. е., правильнѣе, что связь между частями его должна быть установлена не по линиямъ (какъ то существуетъ до сихъ поръ, въ силу печальнаго наслѣдія фридриховской тактики, отъ котораго никакъ отдѣлаться не можемъ), а по перпендикулярному къ нимъ направленію. Во первыхъ, все это не есть слѣдствіе Кениггреца и не новость; во вторыхъ, если авторъ понимаетъ эту истину, то по какому же побужденію онъ самъ не воздержался отъ чертежиковъ, совершенно напоминающихъ собою время нормъ? Онъ говоритъ, что это ради одной наглядности: по вѣдь было бы еще нагляднѣе, если бы онъ это сдѣлалъ не на бѣломъ листѣ бумаги, а на планѣ, и при извѣстномъ предположеніи—тогда никто и не могъ бы принимать этого за норму, ибо тогда и безъ объясненія было бы ясно всякому, что, съ измѣненіемъ мѣстности и предположенія, неминуемо долженъ измѣниться и самый порядокъ. Слѣдовательно, умыселъ другой тутъ былъ: хотѣлось, вѣроятно, отвлечь боевой порядокъ отъ обстановки, выразить нѣчто общее всѣмъ имъ, начертать, однимъ словомъ, боевой порядокъ, въ безвоздушномъ пространствѣ, или же нормальный порядокъ! Авторъ торжественно заключаетъ, что его замѣтки истекаютъ изъ изученія всей богемской кампаніи, преимущественно же изъ массы (!) примѣровъ, представляемыхъ въ особенности кениггрецскою битвою, почему онъ и считаетъ себя въ правѣ назвать эту битву *эпохою новой тактики*. Т. е. что кениггрецская битва является, по автору, эпохою новой тактики въ силу того преимущественно, что дала поводъ къ его замѣчаніямъ.

А между тѣмъ, при нѣсколько большемъ вниманіи къ фактамъ, которые взялся разбирать авторъ, онъ открылъ бы въ богемской кампаніи много поучительнаго, не въ смыслѣ новостей, которыя онъ до того усиливался размысливать, что въ предлагаемомъ имъ боевомъ порядкѣ не узналъ даже стараго нормальнаго, но въ смыслѣ напоминанія и подтвержденія тѣхъ вѣчныхъ и неизблемыхъ тактическихъ истинъ, которыя, къ несчастію, такъ легко забываются въ мирное время. Впрочемъ, были и нѣкоторыя новости, но онѣ какъ-то проскользнули у автора безъ вниманія, именно: 1) всѣ увѣрвали въ заряжаемыя съ казны ружья, на которыя прежде смотрѣли какъ на негодныя для рукъ солдата; 2) при нынѣшней артилеріи дѣйствительно можно стрѣлять черезъ

головы своихъ (*); 3) разомкнутый строй рѣшительно долженъ быть принятъ для расположеній и движеній въ огнестрѣльный періодъ боя, не только для частей боевой линіи, но и для частныхъ резервовъ ея, ошибочно называемыхъ второю линіею. 4) Оказалось, что нынѣшнія средства и приемы удержанія людей въ рукахъ далеко не достаточны, и что настоятъ крайняя необходимость дополнить ихъ иными, болѣе дѣйствительными. Впрочемъ, мы предоставляемъ себѣ поговорить подробнѣе объ этомъ впоследствии, равно какъ и о тѣхъ приемахъ обученія, которые, въ виду сказаннаго, можетъ быть не бесполезно было бы усвоить.

Затѣмъ формальная сторона дѣла осталась та же; но *долженъ измѣниться характеръ требованій* въ обученіи ей и въ исполненіи ея въ бою: подтвердилась та старая аксіома, что бесполезное на войнѣ вредно требовать въ мирное время; что всѣ остатки фридриховскаго педантизма должны быть отброшены, особенно въ обученіи совокупности частей; что слишкомъ заниматься безцѣльнымъ вожденіемъ частей по гладко-убитому полю значить не приучать къ дѣлу, а отучать отъ него; что доводить элементарную часть строя до идеальнаго совершенства и оставлять безъ вниманія продѣлываніе оной въ примѣненіи къ мѣстности, положенію и роду противника—значить не учить войска, а доводить ихъ до того, что они и подорѣвать не будутъ, для чего какой строй пригоденъ: слѣдовательно готовить имъ въ бою самые печальные сюрпризы.

Что самостоятельность каждаго чина въ сферѣ его дѣятельности; чувство круговой поруки и сознаніе долга; безусловная исполнительность, дерзость и упорство, не останавливаемыя никакими препятствіями и потерями, суть единственные залого успѣха въ бою, разумѣется при знаніи своего дѣла людьми и офицерами; что стрѣлять нужно рѣдко да мѣтко; что если это не поворотитъ непріятеля, то нужно имѣть силу духа сойтись съ нимъ на штыкъ, не думая, не колеблясь, а на будь что будетъ—вотъ что не открыли, но подтвердили кениггрецская и 70-го года кампаніи.

Но воображать, что расположеніе частей боевого порядка въ томъ, либо другомъ строѣ составляетъ существенную перемѣну, особенно послѣ того, какъ еще при Наполеонѣ получили значеніе боевыхъ *всѣ* возможные формы строя, начиная отъ цѣпи и кончая походными

(*). Лично, мы прежде не раздѣляли этого мнѣнія; но теперь присоединяемся къ нему, послѣ завѣренія специалистовъ, что обливка снарядовъ при тщательности исполненія, не можетъ отрываться отъ снарядовъ при полетѣ ихъ.

колонами (*); что будто теперь уже *всегда* и *вся* артилерія съ началомъ боя будетъ выдвигается въ боевую линію; что резервъ *всегда* будетъ силенъ; что боевой порядокъ *всегда* будетъ глубокой или, какъ его авторъ называетъ, углубленный; что можно обойтись теперь безъ штыка; что артилерія не должна подъѣзжать ближе 500 сажень.... Подобныя положенія, одни очевидно ошибочныя, другія одностороннія, и потому ведущія къ безусловщинѣ, въ высшей степени вредной въ тактикѣ, — составляютъ въ ней рѣзкій шагъ назадъ, и дай Богъ, чтобъ они не нашли себѣ партизановъ въ нашей арміи.

11-го августа, 1872 г.,
Кіевъ.

М. Драгомировъ.

(Продолженіе будетъ).